

Министерство культуры и молодёжной политики Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Михаил Анищенко

Избранные стихотворения

Русское эхо
2013

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
А 67

Анищенко М.В.

Избранные стихотворения. — Самара: Рус-
А 67 ское эхо, 2013. — 160 с.

ISBN 978-5-904319-87-8

В книгу избранных стихотворений одного из лучших поэтов России рубежа XX-XXI веков Михаила Всеволодовича Анищенко (1950-2012) вошли лучшие произведения за более чем 40-летнюю творческую деятельность поэта.

ISBN 978-5-904319-87-8

© Русское эхо, 2013

От составителя

Любой сборник, антология или книга избранных произведений несовершенны. В этом, разумеется, нет авторской вины, а только составителя, которому чаще всего бывает невозможно объяснить публике, почему он включил в книгу, например, это стихотворение, а другое нет. Да и составители разные бывают. Поэтому, уверен, что из того обилия литературного наследия, которое оставил Михаил Анищенко, будут составляться и выходить в свет новые сборники и антологии. Им написано не только множество прекрасных стихов, но есть романы, рассказы, драмы, литературные исследования. Конечно, хорошо бы издать полное собрание сочинений Михаила Всеволодовича, но это колоссальная работа не на один год и не для одного человека.

Я же коротко постараюсь объяснить структуру, по которой составлялась эта книга.

Во-первых, она была изначально ограничена 160 страницами. И я благодарен министру культуры Самарской области Ольге Васильевне Рыбаковой за возможность Самарской областной писательской организации совместно с Самарской областной универсальной научной библиотекой издавать такие книги, которые распространяются по библиотекам Самарской области в рамках проекта «Народная библиотека Самарской губернии».

Во-вторых, мне хотелось представить творчество Михаила Анищенко как можно больше во временном отрезке.

Дело в том, что большинство читателей знакомы в основном с последним периодом творчества Михаила. Думаю, для многих станут откровением многие ранние стихи

поэта, а также стихотворения, написанные в девяностые годы прошлого века. Я сам был несколько удивлён, обнаружив, что некоторые из стихов, которые, как считалось написаны Михаилом в последний период, написаны гораздо раньше. Мне кажется, читателю будет интересно проследить творческий путь одного из лучших поэтов России. Ну вот, например, в каждом из выделенных периодов встречаются стихи, так или иначе связанные с тургеневской Муму, и каждый раз этот образ осмысливается по-разному.

Кстати, о периодах: они как-то сами собой легко обозначились, так как книги у Михаила Всеволодовича уходили кучно. Разве что первые книги «Что за горами?» (1981), «Не ровен час» (1989) и «Ласточкино поле» (1990) несколько разнесены по времени, но они вышли в восьмидесятые годы и стихотворения из этих книг составили первый раздел.

В девяностые годы хорошая книга стала редкостью, а поэтическая тем более. Едва ли не единственным прибежищем для поэтов стали «толстые» журналы, а в Самаре таким прибежищем, собирающим всё лучшее в современной русской литературе, стал журнал «Русское Эхо», где Михаил регулярно публиковал свои новые стихи. Они составили основу большого самостоятельного раздела в коллективном сборнике, выпущенном в 1997 году. Назывался раздел «От Тебя это было». В этом же году Анищенко вступил в Союз писателей России. А в 2001 году вышла уже полновесная книга стихов «Тебя ещё нет, меня уже нет...». Стихотворения из этих книг составили второй раздел.

В начале этого века Михаил Всеволодович перебрался на жительство в село Шелехметь, где долгое время жил таким литературным затворником, хотя опять же повторюсь: его поэтические подборки регулярно публиковались на страницах журнала «Русское эхо» и уж совсем в небытие Михаил не канул. А в 2008 году, когда начал осуществляться проект «Народная библиотека Самарской

губернии», первая книга, вышедшая в этой серии, стала книгой Анищенко «Квадрат тумана». Она во многом способствовала известности поэта. Во время визита в Самару Евгения Евтушенко министр культуры Самарской области Ольга Рыбакова подарила ему эту книгу. Прочтя её, Евгений Евтушенко написал статью в «Независимой газете» «Венечка из Самары», которая, по сути, и принесла Анищенко всероссийскую известность.

В этом же году выходят ещё две книги: в Самаре – «Поющая половица», в Москве – «Оберег». Стихотворения из этих трёх книг составили третий раздел. Не могу не отметить московское издание: это практически очень качественно составленная книга избранных стихотворений Анищенко. Правда, без учёта ранних его произведений.

А вот за четвёртый раздел говорю огромное спасибо сайту Стихи.ру и лично его руководителю Дмитрию Кравчуку, который сохранил всё, что Михаил Анищенко выкладывал на своей страничке. Ура Интернету, как бы ни странно это из моих уст это прозвучало. Именно благодаря всемирной паутине удалось получить доступ к тому, что написано Михаилом Анищенко за последние годы. Конечно, и из того, что было опубликовано Михаилом на страницах «толстых» журналов, вполне можно было составить добротный раздел, отражающий последний период творчества поэта, но присланный Дмитрием Кравчуком материал поразил и объёмом, и качеством. Оказалось, что многих стихов я просто не знал, хотя общался с ним постоянно. Последняя подборка стихов Анищенко вышла в журнале «Русское эхо» в октябре 2012 года. А вот люди на Стихи.ру его стихи читали. И вполне закономерно, что в 2012 году по опросу, проводимому сайтом, Михаил Анищенко получил звание «Народный поэт России». Случилось это через несколько дней после смерти народного поэта.

Но здесь я должен сделать небольшую оговорку: никакой системы в выкладывании файлов у Анищенко, раз-

умеется, не было, и поэтому там встречались неизвестные стихи, а рядом стихи, написанные в девяностые годы, потом опять шло новое, потом из начала века... Где-то у стихотворений менялись названия, где-то менялись строчки или пропадали строфы, а где-то дописывались новые. Не то чтобы я совсем запутался, но сложность для меня человека, не особо учёного, была.

Я всё же решил пойти по такому пути: раз стихотворение было опубликовано, то и помещать его надо в соответствующий раздел и в том виде, в каком оно было опубликовано. Все неопубликованные стихотворения я отметил как новые, и именно из них и составил четвёртый раздел. Конечно, не факт, что все они написаны после 2008 года, хотя, как мне кажется, временные рамки у большинства определены достаточно верно.

Теперь о поэме, которая составила пятый раздел и которую я назвал незаконченной. Может, она и закончена, но мне пока не удалось найти окончание. Дело в том, что я точно знаю, что существовала ещё третья часть. По крайней мере Миша рассказывал об этом, говорил, что пишет её. Называться, насколько я помню, она должна была «Побег». Надеюсь, что и это откроется со временем, ибо не должно то, что принадлежит всем, храниться под спудом.

Наверняка у друзей Михаила Анищенко, у знакомых, у тех, кто был с ним в переписке, есть другие материалы, так или иначе связанные с поэтом и его творчеством. Это могут быть письма, газетные публикации, фотографии, да мало ли что! Большая просьба ко всем: давайте соберём по возможности наиболее полный творческий архив Михаила Всеволодовича Анищенко.

Связаться с нами можно по адресу: 443001, г. Самара, улица Самарская, 179, Самарская областная писательская организация. Телефон: 8(846)333-48-01. E-mail: litsamara@yandex.ru.

Александр Громов

Что за горами?

*Стихотворения,
опубликованные до 1991 года*

Дорога

Я Русь просил:
— Добавь мне силы,
Скажи, что помнить, что любить?..
— Спроси отцовские могилы,
Спроси людей, как надо жить! —
Она ответила.
Я вздрогнул.
Но час сомнений миновал.
И мне открылась вдаль дорога,
Которой жизнь я задолжал.
И я пошёл.
И путь мой долгий
Завлёк,
Околдовал меня
Простором нив,
Величьем Волги,
Хоть всё трудней день ото дня
Идти,
Не зная остановок,
За быстротечным днём спешить
И повторять, взрослея, снова:
«...И ты поймёшь, как надо жить!»

Ночь на заставе

Песня доносится.
Бьётся в окно.
Бродит в потёмках
По лесу, по крышам...
Уши в подушку бы!
Да всё равно
Каждою клеткой ту песню услышу.
Носится в воздухе.
Спать не даёт.
Русская! Русская!
Сколько в ней муки!
В ночь выбегаю:
Да кто же поёт?
Руки тяну...
Опускаются руки.
Так и стою.
Не прошу ни о чём.
Звёздное небо туманно и тускло.

Не Ярославна ль
В Путивле ночном
Песню поёт на мотив старорусский?
Не Ярославна...
Но кто даст ответ,
Чья это песня летит издалёка?
Тихо встаёт над заставой рассвет,
Тихо шумит над рекою осока.

Письмо

Другу такое горькое
Письмо почтальон принёс,
Что дым от моршанской махорки
Весь вечер доводит до слёз.

А рядом мерцанье деревьев,
Усыпанный звёздами пруд...
И тысячи вёрст до деревни,
Где песни на свадьбе поют.

Там лихо скандируют:
— Горько!
Там дым дорогих папирос...
А тут вот простая махорка
Весь вечер доводит до слёз.

Утро

Будет свет через щель просыпаться,
Будет речка качаться и течь.
Будем мы в шалаше просыпаться,
В старой лодке заделывать течь.

Будут заросли, заросли, заросли
И рассветные воды вдали.
Будут тихие приступы зависти
К вечной юности этой земли.

Будут вспыхивать водные искорки
Под опущенным в реку веслом.
Будет берег и пристань, и выселки,
И печные дымки над селом.

И дома будут все в нём незаперты:
Заходи, коль душою ты прост!
И у нас на селе с этим запросто,
И в округе на тысячу вёрст!

Проводник

Тихо тронется поезд —
И, щёлкнув замком,
Проводник отойдёт
От двери закопчённой,
И окатит заварку
Крутым кипятком,
И пойдёт по вагону,
Помятый и сонный.
На восток, на восток —
По великой стране!
По большим городам,
По большим захолустьям
Он помчится
В обычном своём полусне,
Неподвластный давно
Ни сомненьям, ни грусти.
Будут станции, «зайцы»
И кучи рублей,
Будет веник и форма,
Удобная в носке,
Будет вянуть на столике
Книга Рабле,
Позабывтая юношей,
Вышедшим в Омске.
Но однажды
Ударит по окнам весна —
И ударят тревожно
По сердцу колёса...

И пронзит озаренье:
Всё это —
Она,
Та, что села сегодня
В Серебряном Плёсе!..
В рваной сумке своей
Он отыщет билет —
Остановкой ближайшею
Надпись ударит.
Он уткнётся в подушку лицом,
Словно в бред...

Машинист усмехнётся
И скорость прибавит.

Остановка. Перрон...
Ах, какой гололёд!..
Снова тронется поезд,
И он встrepенётся,
И рукою взмахнёт,
Но стоп-кран не сорвёт...
И другою взмахнёт...
И сорвёт —
И сорвётся!
Будет ночи без сна
У окна проводить,
Будет ждать возвращения
К тому перегону,
Где окончилась вера,
Что можно прожить
Так же просто,
Как чай разнести по вагону.

В гостях

Плѣс и лес.
И плеск листвы лесной.
На зарю распахнутые ставни.
И дымок над старенькой избой,
Где гостюю я у дяди Вани.

Мы живѣм меж двух российских рек,
За окном берѣза зеленеет.
Дядя Ваня, русский человек,
Ни души,
Ни хлеба не жалеет.

Мы к плетню выходим покурить.
Лес шумит.
Колышется осока.
Дядя Ваня тихо говорит:
— Хорошо, когда не одиноко...

Неважно, что ветер и осень,
Что вымок вокзальный навес,
А важно, что в ноль двадцать восемь
Уйдёт транссибирский экспресс.

И снова в вагоне под вечер,
Когда замелькают огни,
Я буду приписывать встречным
Все лучшие чувства свои.

Я буду грустить, улыбаться,
Смотреть на тайгу за окном,
В случайных попутчиц влюбляться
И мучиться долго потом.

И вновь от Приморья до Бреста
Я буду в предчувствии весь.
И жизнь,
 как чужая невеста,
Покажется лучше, чем есть!

Писарь

Лопухий, худой,
Он был очень похож на ребёнка.
Деревенский учитель,
Теперь — писаришка штабной,

Он два года писал
На погибших солдат похоронки,
И любая из них
Обдавала его сединой.

День за днём проходил.
С каждым днём прибавлялось убитых.
Оставаясь один,
Он посмертные списки листал.
И ложились листы
Тяжело,
Как могильные плиты,
И себя самого
Он посредником смерти считал.

Он боялся солдат,
Понимая, что все они смертны,
Он за каждым лицом
Видел строчку в журнале своём,
Ту, которую он,
Может быть, вслед за боем рассветным
Зачеркнёт навсегда
Затупившимся «вечным» пером.

Он смотрел, как идут
В пропылённой шеренге сельчане,
Земляки —
Михаил, Афанасий, Макар и Федот...
Как он плакал потом,
Как молился за них он ночами,
Как боялся узнать,
Что из боя не выйдет их взвод.

И короткие сны
Становились поистине бредом.
Снилось только одно:
Как в ночи окружают их взвод...
Вот упал лейтенант,
Не успев даже вскрикнуть,
А следом
Земляки —
Михаил, Афанасий, Макар и Федот.

Он кричал по ночам.
И солдаты во сне матерились.
Он вставал и смотрел
За три тыщи столбов верстовых
На село Вешняки,
Где потерянно окна светились,
Где его земляков
Ожидали увидеть живых.

И однажды,
Когда
Над Россией дожди моросили,

А над Спасскою башней
Всё ярче светила звезда,
Мозг его захандрил,
Напряженья войны не осилил,
Что-то вспыхнуло в нём
И погасло потом навсегда.

И тотчас же в глазах
Появился туман жутковатый,
Словно пыль на дорогах,
Которыми враг наступал...
Он в каптёрку зашёл,
Опустился на лавку как ватный,
Будто что-то припомнил
И стопку бумаги достал.

Рядом спали бойцы.
Им детишки и женщины снились.
Оставалось недолго
Идти по войне напролом...
И не знали они,
Что за строки в каптёрке ложились
На казённой бумаге
Под старым казённым пером.

Он писал и писал.
И рука, что недавно дрожала,
Обрела над бумагой
Какой-то свободный полёт...
Под рукою его
Молча рота в ночи погибала,

И они —
Михаил, Афанасий, Макар и Федот.

Леденящая ночь
На работу безмолвно смотрела,
И взлетали ракеты,
Окошко каптёрки рябя...
И к рассвету уже,
Завершая безумное дело,
Он спокойно заполнил
Такой же листок на себя.

С этой ночи уже
Сорок лет пролетело почти что.
Вновь в селе Вешняки
Возле клуба гармошка поёт.
И растут, как грибы,
Не выдавшие смерти мальчишки...
А в одном из домов
Поседевший безумец живёт.

Он заходит в сельмаг,
Покупает бумагу устало,
Покупает чернила...
И целую ночь напролёт
Похоронки строчит,
Слыша скрежет огня и металла...
И заходит к нему —
Уцелевший на фронте —
Федот.

Я жил тогда в селе, над Соком,
над невеличкою-рекой,
что билась,
как зверёк под током,
в тисках конторы «Волгострой».

Пылили трубы и дороги,
шумели оползни камней,
и пни, как будто осьминоги,
тянули щупальца ко мне.

Тянуло гниlostью от брёвен,
был полон страха мир осин.
Не ровен час...
Но час не ровен
в любое время на Руси.

И было б всё прощально серо
среди загубленных лесов...
Но бились, бились
с чувством веры
сердца последних родников.

Улыбка

Голос доносился через дождь,
Голос доносился через стены:
— Приходи на свадьбу...
Отпоёшь
Душу дорогой своей Елены!
Он смотрел в открытое окно
На листву,
На стынувшие лужи...
— Господи, всё кончилось давно,
Для чего тебе ещё я нужен?!.
Только всё же выгладил костюм,
К случаям торжественным пошитый,
И, неловкий, серый,
Как валун,
Подошёл к дверям полузабытым.
Он уселся между пьяных дам,
Выпил,
Не закусывая,
Горькой.
Захотелось крикнуть: «Не отдам!..» —
Только вышло жалобное: «Горько...»
Горько!
На Еленином лице,
Где всю свадьбу было очень тихо,
Вскрикнула улыбка и затихла,
Как подкидыш на чужом крыльце.

Что за горами?

Ветер. Зима. Во дворе гололёд.
Жмётся к избе воробьиная стайка.
Девочка входит.
К окошку встаёт
Девочка — хрупкая, как балалайка!

А за окошком дорога до гор.
Девочке в доме быть очень обидно.
— Что за горами? — и смотрит в упор.
Я отвечаю:
— Отсюда не видно.

Входит хозяйка, зовёт её спать.
Девочка словно не слышит —
И снова:
— Что за горами?
А мне что сказать?
Да и найдётся ли верное слово?

Лампу гашу.
Слышу, дышит мороз,
Тонкие ветви скребутся по раме.
И не уходит от сердца вопрос:
— Что за горами?

Муму

Что-то никак не пойму:
мир удивительно ясен!
Но топит Герасим Муму,
добрый такой Герасим!

В воду вошли два весла,
к телу прижалась собака.
Жизнь! Она так весела!
Как тут от смеха не плакать?

Знает, не жить одному,
лучше, чем мы, это знает...
И всё-таки топит Муму,
на стрежень реки выгребает.

Казалось, что время пройдёт
и мир не встревожится куцый:
Герасим с тоски не запьёт,
круги на воде разойдутся.

Тот век! Он в таком далеке!
Но что это? Вижу сквозь слёзы:
застыли круги на реке,
как кольца на срезе берёзы!

Звонок

Дождь барабанил по окнам.
Тренькнул звонок.
Он встал,
Снял трубку:
— Аллю?! —
И вздрогнул,
И крикнул в неё: — Я ждал!
Вы где? На вокзале? Я буду!
Не слыша в ответ ничего,
Кричал он и верил,
Что чудо
Сбывается в жизни его.
Потом он бежал через ливень
Туда, где светился вокзал,
И, мокрый до нитки,
счастливый,
Шептал, задыхаясь:
— Я ждал!..

А там, у большого вокзала,
В сырой непролазной ночи,
Она ещё трубку держала
И слышала, как он кричит.
Поодаль мужчина с вещами
Крутил её старенький зонт.
И вновь репродуктор вещал им,
Что поезд сейчас отойдёт.

И ждать было глупо чего-то.
Но было обидно и жаль,
Что тот, кто играл её зонтом,
Ни разу вот так не кричал.

Журавль

Припомню вновь
Тот день перед зимою,
Остывшие в два счёта берега
И журавлей
Над северной рекою,
Что уходила в глубь материка.
Теряла листья
Рощица сырая,
Закисшим чаем
Пахли озера...
Я слушал,
Непогоду проклиная,
Как бьются
Журавлиные сердца.

Неслось навстречу
Снега мельтешенье.
Один журавль
Вдруг съёжился и сник,
Казалось,
Что земное притяженье
Лишь на него влияет
В этот миг.

Он опускался
Медленно и тихо,
Охваченный бессильем,
Как огнём.

Но верил я:
Вернётся журавлиха,
Чтоб разделить
Несчастье с журавлём.

Но шаг зимы
Всё так же был размерен,
И ширь реки
Не делалась теплей...
Он был один.
А я-то был уверен,
Что так бывает только у людей.

Драма в себе

Какая плохая погода,
какая протяжная ночь!
И горькое право ухода
мне вряд ли сумеет помочь.

Уйти бы давно — без укора,
не в ярости, не во хмелю...
Ведь ты во мне любишь другого,
которого я не терплю.

Убого в нём всё и ничтожно,
как в русле осеннего дня.
Но ты его любишь...
Безбожно всем телом прикрыв
от меня.

Такая вот боль и морока,
такой вот безжалостный миг!
И ваша любая дорога
меня загоняет в тупик.

Я зло от него отрекался
И пичкал отравой не раз.
Но ты добывала лекарство,
спасая меня каждый раз.

Безвыходность, мука и ярость,
я вновь перед вами в долгу!
Мне лучшая женщина в тягость,
я видеть её не могу!

Война без победы, без меди
идёт, небосвод затеня.
Неужто он вправду бессмертен
и всё же прикончит меня?

Бежать бы куда-то, спастись,
так можно и жизнь проиграть!
Но женщина просит остаться,
остаться и ей не мешать.

Плѣс

Я вздрогну,
Увидев, узнав ещё издали
Обрывистый берег,
Измучивший снами,
И избы его,
И беседку у пристани,
Где Волга и небо,
И даль были с нами!

Я вздрогну на сходнях.
Где руки мы отняли,
И вновь опоздаю
На свой теплоход,
Увидев ту речку,
Ту лодку на отмели
И домик,
Где каждый наличник поёт!

Я вздрогну у рощи
Над жёлтою кручею,
Где небо
С церковного льётся креста,
Где летом
Художница юная мучилась,
Боясь, словно проруби,
Зова холста!

Я вздрогну у речки,
Где лунные плавни,
Где рощи, как ливни,
Где лёт паутин...
Я боль не уйму,
Я отчаюсь о давнем,
И с кем бы я ни был —
Я буду один!

Ключи

И снова вспомнится:
В ночи —
В минуты горечи летучей —
Ты протянула мне ключи:
«Возьми, родной, на всякий случай».

Ты не держала в сердце зла,
Ты всё прощала мне, прощала.
А ночь таинственной была —
Влекла, манила, колдовала.

Я шёл с другими в тишине,
Я рвал в клочки
За летом лето.
И свет горел в твоём окне,
Но мне не надо было света.

А вот теперь
В глухой ночи —
В минуты горечи летучей —
Я отыскал твои ключи,
Не зная — тот ли это случай.

Я шёл сквозь город
Как во сне,
Я никому уже не верил.
Но свет горел в твоём окне.
И ключ покорно отпер двери.

Ты обернулась:
— Столько лет
На грани вымысла и бреда
Я для тебя включаю свет...
А мне уже не надо света.

Бьёт в лицо снегопадом.
На земле гололёд.
Но любимая рядом,
Как спасенье, идёт.

Эти руки и губы
Не остыли во мгле.
Значит, есть однолюбы
И на этой земле.

Тихой музыкой вея,
Открывается даль.
За любовь и доверье
Даже жизни не жаль.

Пусть же в жизни чудесной
Выпадает с утра
Вам такая же бездна
И любви, и добра.

Верить в чудо не глупо
Не в тщете, не во мгле...
Есть ещё однолюбы
И на этой земле!

Бегство

От квартир унылых и от буден
Выбросили верные ключи.
— Жить теперь по-новому мы будем?
— Будем! — откликался я в ночи.

Тополя шумели у причала.
Теплоход спасительный кричал.
— Мы с тобою всё начнём сначала?
— Да, начнём! Скорее на причал!

А потом мы долго говорили
И в ночи надеялись всерьёз,
Что на веки вечные уплыли
От нескладиц, недругов и слёз.

Выпили. Поплакали. Попели.
Много слов несказанных нашли.
А наутро разом отрезвели
И на первой пристани сошли.

Долго ожидали теплохода.
Сиротели.
Делались собой.
И ночная глупая свобода
Утекала с утренней водой.

В простой кособокой избушке
над маленькой русскою речкой
вчера угасала старушка —
негромко и быстро, как свечка.
Внучата над ней не клонились,
в глаза не смотрели больные.
Но губы старушки кривились:
— Жалейте друг друга, родные...
За гробом прошли по деревне
одни старики и старушки,
которые, словно деревья,
вросли в эту тишь у речушки.
Поставили крест. Помолчали.
Берёзы качались сырые.
Молчали, но будто кричали:
«Жалейте друг друга, родные...»

От Тебя это было

*Стихотворения,
опубликованные в период с 1992 по 2001 годы*

Обросла столица мхами,
На поток пошли гробы.
Не спасти души стихами
За пределами судьбы.

Там — рога, а здесь — копытца.
Пир в преддверии чумы...
В чёрной хате бы закрыться
Да напиться сулемы.

Не заплачет о поэте
Русь, ушедшая в полон...
В чёрной хате бы... Но дети...
Без опоры, без икон...

Боже правый! Дай мне силы,
Дай мне удали твоей,
Чтоб подняться из могилы
Посреди нетопырей.

Чтобы цепи рвать и сети
И живьём гореть во мгле,
Чтобы знали наши дети,
Как мы жили на земле.

Поздно руки вздымать и ночами вздыхать.
Этот мир повторяет былые уроки.
Всюду лица, которым на всё наплевать,
Всюду речь, у которой чужие истоки.

Я закрою глаза, я закроюсь рукой,
Закричу в темноте Гефсиманского сада:
— Если стала Россия навеки такой,
То не надо России... Не надо... Не надо.

Перепуганный насмерть, забытый в ночи
Посреди иудейского вечного царства
Я пойму перед смертью: кричи не кричи,
А придётся пройти через эти мытарства.

Что ж, идите, идите к подножью Креста,
По такому знакомому следу мессии...
Было грустно, евреи, вам после Христа,
Погрустите немного и после России.

Пускай!

Забудь слова, приметы, лица,
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.

Попробуй тихо, неумело
Войти в деревья и ветра.
Пусть без тебя побудет тело
На мокрой лавке до утра.

Пускай тебе легко летится
Над беспризорною судьбой,
Пускай сверчки, цветы и птицы
Легко становятся тобой.

Лети божественным созданием,
Позёмкой лунною пыля,
Когда одним твоим дыханием
Согреты небо и земля.

И пусть, как ниточка, порвётся
Нездешней жизни волшебство...
Но в тело грешное вернётся
Не то, что вышло из него.

Отныне в нём легко и строго
Огонь божественный горит.
Плывёт туман. Пылит дорога.
Звезда с звездой говорит.

Господь

Господь, он Господь — и в дожде, и в метели,
В глотке молока и в простывшей постели.

Во всём, что сложилось прекрасно и плохо,
В сиянии солнца и чертополоха.

В соринке, в пылинке, в мурашке озноба,
В цветах на лужайке и около гроба.

Он падает вниз, разливается, льётся,
Не все ему рады, но всем достаётся.

И здесь, на земле, где всё хуже и горше,
Он каждого любит, но каждого — больше...

Мостик

Всему виной — грехи и гордость,
Пустые мысли и дела.
Ещё никто не видел пропасть,
Но пропасть всё-таки была.

Здесь — суета, позор и тленье,
Продажа, медные гроши...
А там — любовь и воскресенье,
И бесконечность для души.

А там, в пещере, где светало,
Где распахнулся час чудес,
Мария сына пеленала
Высоким запахом небес.

По небу ангелы летали,
Светились белые сады...
И пастухи уже шагали
На свет таинственной звезды.

Ещё им было неизвестно
Про Благодать и Божий дар...
А впереди зияла бездна —
Всепожирающий тартар.

Но шли они без содроганья
Туда, где Божий Сын лежал.
И мостик детского дыханья
Их всех над бездной удержал.

Иосиф

Был звёздный час.

Был час прощальный.

Горела вещая звезда.

Иосиф, старый и печальный,

Был ростом меньше, чем всегда.

Он и робел, и запинаясь,

Не зная толком, что сказать.

Он так устал, и так боялся

Марию к Богу ревновать.

Она, любимая, светилась,

Как дети светятся во сне,

И ниже уха жилка билась,

Живая жилка, как у всех.

То головой она качала,

То тихо плакала во мгле...

Иосиф видел в ней начало

Всего, что будет на земле.

И, зов Марии не услышав,

Вздыхнул Иосиф: «Ничего...»

И встал с колен, и тихо вышел,

Как будто не было его.

Предтеча

В небе облако качалось.
Пёс обиженный скулил.
Снег кружился. Власть кончалась.
Ирод голову клонил.

Он шептал: «Ещё не вечер...»
И понять не мог никак,
Что вся жизнь теперь — предтеча.
Деньги — мусор. Власть — пустяк.

Ирод мёрз, не мог согреться,
Меч хватал. Шептал: «Пора!»
В Вифлееме все младенцы
Поседали до утра.

Кровь детей. Резня и сеча.
Тихий ропот, пересуд...
Так закончилась предтеча,
Начинался Страшный Суд.

Очень печальное стихотворение

На отшибе погоста пустого,
Возле жёлтых размазанных гор
Я с кладбищенским сторожем снова
Беспросветный веду разговор.

Я сказал ему: «Видимо, скоро
Подойдёт неизбежный черёд...»
Но ответил кладбищенский сторож:
— Тот, кто жив, никогда не умрёт.

Я вернулся домой и три ночи
Всё ходил и качал головой:
— Как узнать, кто живой, кто не очень,
А кто вовсе уже не живой?

Под иконою свечка горела.
Я смотрел в ледяное окно.
А жена на меня не смотрела,
Словно я уже умер давно.

В тихом доме мне стало постыло,
Взял я водку и пил из горла.
Ах, любимая, как ты остыла,
Словно в прошлом году умерла!

Я заплакал, и месяц-заморыш
Усмехнулся в ночи смоляной...
Ах ты, сторож, кладбищенский сторож,
Что ты, сторож, наделал со мной?

Хорошо

Снегири мои, зяблики, вороны,
Туготравье и батюшка-лес,
Хорошо, когда каждому поровну
Достаётся земли и небес!

Хорошо мне от тихого дождика,
Хорошо, что у храмов и слег
Для святого отца и безбожника
Одинаковый сыплется снег.

Хорошо, что берёзы не бедствуют,
Не злословит речная вода,
Что душа моя с небом соседствует
И сливается с ним навсегда.

Хорошо, что с холодного пёнышка
Можно в небо смотреть без помех,
Где моё заповедное солнышко
Поднимается сразу для всех!

Приговор

Русь моя! Туман, поверья,
Пыль таинственных времён!
Как преступник к высшей мере,
Я к тебе приговорён.

К шуму сосен, к скрипу ставен,
К зову птиц издалека
И к твоим тропинкам тайным,
Проходящим сквозь века.

Пусть порою путь без веры
Выпадает мне во мгле...
От всевышней смертной меры
Нет спасенья на земле.

Мир вам, рощи да излуки,
Шелест, шёпот... Камыши...
Навсегда. До смертной муки.
До бессмертия души!

Богородка

Будет мало надежды и света.
И в смешной перелётной тоске
Ты меня, не признав за поэта,
По задворкам проводишь к реке.
И, прощаясь у старенькой лодки,
Как упавшую с неба зарю,
Семь соцветий травы богородки
Я на память тебе подарю.
Уходящему дню потакая,
Ты мне скажешь над тёмной рекой:
— Что за травка смешная такая,
Никогда не видала такой!
Засмеёшься и спустишься в лодку,
Уплывёшь в колдовской городок.
И поставишь траву богородку
На окно, что глядит на восток.
Я писать тебе писем не буду,
Я ведь знаю, куда ты гребёшь...
И меня, как простую простуду,
Ты, наверное, переживёшь.
Но однажды — печально и кротко,
В час, когда я умру без тебя,
Расцветёт на окне богородка,
Словно память того сентября,
Где, недолгому дню потакая,
Ты смеялась над чёрной рекой:
— Что за странная травка такая,
Никогда не видала такой!

Прощевай

Прощевай, моя опушка,
Прощевай, тропа в бору!
Ухожу... Но, словно Пушкин,
Весь я тоже не умру.

Положил себя, как требу,
Я на камушек лесной...
Журавли летят по небу,
Словно ангелы — за мной.

В час распада и распыла
Грешный мир нам не указ.
Не страшусь... Всё это было
И со мною много раз.

Поклонюсь Борису, Глебу...
И над Родиной святой
Буду гром возить по небу
На телеге золотой!

Элегия

Надрывается ветер заблудший,
Колобродит всю ночь в камыше.
И чем хуже погода, тем лучше
Почему-то теперь на душе.

Ничего, я с дороги не сбился
И совсем не знаком с ворожкой.
Я в счастливой рубахе родился
И снимал её только с тобой.

А теперь возле дома слепого
Я хожу, словно вор, без огня...
Хорошо, что ты любишь другого,
Как когда-то любила меня.

Хорошо, что без боли и страху
Ты мне машешь рукой на ходу,
Что мою голубую рубаху
Носит пугало в вашем саду.

Тропинка

Сонный сговор осенних лучей,
Через поле дорога пустая...
Где-то там собирают людей,
Словно птиц, в перелётную стаю.

Где-то там — далеко, на краю,
Где не надо ни воли, ни хлеба,
Взвесят ангелы душу мою
И покажут тропинку на небо.

Я ощупаю тропку ногой,
Словно пол от стены до печурки...
Это мама играет со мной
В беспросветные детские жмурки.

И опять — ни стыда, ни суда.
Только хрупкие звёздные мили
Устремляются прямо туда,
Где меня беспредельно любили.

Теперь все песни о любви!
И все слова без капли желчи!
Пуškai ночные соловьи
Переворачивают ночи!

В моей душе одна любовь,
Одна, но вечная зарница!
Мне отдают сегодня кровь
Ромашки, бабочки и птицы.

Лягушки квакают в пруду,
У них сегодня мусикия.
Скажи, какую же беду
Не расхлебашь ты, Россия?

Что люди? Господи, прости!
Они немного заплутали...
А им бы просто дорасти
До золотой душевной тали.

А им бы выйти из домов
И сосен шум услышать снова,
И колокольчики коров,
Где даль до неба василькова!

Вот то-то станет работа
Среди людей родных, как травы!
И светозарные уста
Припомнят дни российской славы.

Ну что ты ёжишься, душа?
Не рано ли, не поздно ли...
Теперь входи уж неспеша
Во дни великопостные.

Предстань к престолу. Пробил час
Для слёз и покаяния.
Я сам себе кажусь сейчас
Виной без оправдания.

Смотри, какая нынче высь,
Как будто бы из боли вся...
За тех, кому там не спастись,
Давай ещё помолимся.

Старый дом. Нелепый случай.
Ничего здесь не найти.
Есть куда податься тучам,
Небу некуда пойти.

Третий день один валяюсь,
Забываю про слова,
И потёмок не пугаюсь,
Как опавшая листва.

Третий день лежу в постели,
Как больное божество.
В окна мухи налетели...
Больше в доме никого.

Как всё пусто и нелепо
На любом земном пути...
Вот и всё. И мне, как небу,
Больше некуда идти.

Квадрат тумана

*Стихотворения,
опубликованные в период с 2002 по 2008 годы*

Калейдоскоп

На улице старой, в аллее мечты
Все грустные люди на тени похожи.
Я к ним подхожу: это ты? это ты?
Но люди бегут, как мурашки по коже.

В опавшем лесу, где вздыхают грибы,
Где жёлтые травы под ноги ложатся,
Примяты приметы, а знаки судьбы
Горят на ветру и в потёмках кружатся.

На улице старой, в аллее мечты,
Убили шарманки тоску звездопада.
Всю ночь валерьянку глотают коты,
Смеются паяцы в лицо маскарада.

Но взрыв фейерверка и хохот чертей
Опять разрывают видения в клочья.
Одни лишь гетеры в тени тополей
Стоят на пути моём, как многоточья.

Плюются с балконов на них старики,
Помёт голубиный по окнам сползает.
Бегу наугад я — на запах реки,
Река подо мною до дна промерзает.

Один среди льда я, один посреди
Великого сна, непрерывной мороки.
И, как изваянья, стоят впереди
Последние сроки. Последние сроки.

Корешок

Я сожгу зачитанные книги.
Добрые и злые — всё равно.
Странники, бродяги и расстриги
Пьют со мной зелёное вино.
Чёрные корявые коренья,
Травы, затаённые от глаз,
Сколько раз я падал на колени,
Под луной отыскивая вас.
Пробираясь к соме и жаризне,
Бродит люд за Чуровой горой,
Где длиннее памяти и жизни
Корешки встречаются порой.
Разгребёт он землю, растревожит
И простой какой-то лопушок
Тянет, тянет — вытянуть не может
И порвать не может корешок.
Упадёт он в травы. Как мессия —
Разведёт руками облака
И прошепчет: «Матушка Россия!
Как же ты, родная, глубока!»
Наберёт брусники да морошки.
И, в село вернувшись в полумгле,
Будет думать, сидя на порожке,
О себе, о небе, о земле...
И опять за рощи и овраги,
Где всегда, как в памяти, темно,
Странники, расстриги и бродяги
Будут пить зелёное вино.

Какая странная пора,
Какое долгое затишье.
Сегодня так же, как вчера,
Летит листва. Скребутся мыши.

Глядят угрюмо старики,
Ворчат, как тающие льдины.
А золотые пауки
Плетут над ними паутины.

Упал скворечник. Дом забит,
По грудь засыпан листопадом.
Никто теперь не угостит
Сухим, как порох, самосадом.

Никто уже не позовёт,
Как это водится — на помочь...
Здесь время больше не идёт.
Часы показывают полночь.

И веет губельной тоской
По всем просёлочным дорогам.
Стоит деревня над рекой.
Одна. Под звёздами. Под Богом.

Опять — подножие креста.
Разлад. Смятение. Рутина.
Конец столетья. Пустота.
И паутина... Паутина...

Россия, Русь! В тоске величья,
В кругу неверия и лжи,
Меняй одежды и обличья,
Но дух нетронутым держи!

Среди земных и горних множеств,
Объятых тьмою и огнём,
Ты велика, как безнадёжность,
Что в сердце вызрела моём.

Пройдут наркоз и летаргия,
Взойдут из пепла зеления...
Храни, храни свой дух, Россия,
Хотя бы в сердце у меня!

Побудь со мною после слов.
Поверь растаявшему звуку.
Разлука больше, чем любовь.
Давай же выпьем за разлуку.

У окон, около крыльца,
В любом созвездии пройдем
Ей нет начала, нет конца,
А значит, нам с тобою — тоже.

Пусть сплетни ходят по рукам,
Пусть слухи жутко шевелятся.
А нам с тобой, как облакам,
Случилось по небу пошляться.

И это всё! Не прекословь.
И не тяни обратно руку...
Разлука больше, чем любовь.
Уйди. И выпей за разлуку.

Ожидание

Видно — рано... Ещё не пора...
Только хочется, чтобы скорее...
Я помыл семь окошек вчера,
Чтобы небо казалось светлее.

А ещё, чтоб букетик не сник
И на мир не повеял бедою,
Я сходил на далёкий родник
За живой и за мёртвой водою.

Я не знаю, тебя ли люблю
Или эти смешные цветочки...
Но я всё же исправно кормлю
Карасей, обитающих в бочке.

И они до последнего дня
Ловят крошки высокого хлеба.
И с восторгом глядят на меня,
Как на Бога, сошедшего с неба.

Концы с концами не сведу.
Темна последняя тетрадка.
И я, любимая, уйду,
Сгорю, растаю без остатка.

И я, любимая, уйду
Туда, где смерти не боятся.
И ты, как ласточка в аду,
Начнёшь над памятью метаться.

Но там, где муки, тлен и плен,
Ты будешь вечною женою...
«Скажи, мой миленький, зачем
Ты не забрал меня с собою?»

Скажу: «Любимая, живи,
Топчи заветную дорогу!
От нашей веры и любви
Теплее родине и Богу.

Живи в остуде и бреду,
Во сне живи и круговерти,
Живи, как ласточка в аду
И как зачатъе после смерти!»

И снег, и дождь... Растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольник...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.

Я жду тебя. Я жду тебя и жду
Из всех твоих немыслимых америк.
Лишь ты одна по тоненькому льду
Ходить умела с берега на берег.

Лишь ты одна — летящая душа! —
Бежала мне навстречу и кричала...
А в этот год ты так и не дошла
До нашего последнего причала.

Я жду тебя. Я жду тебя и жду,
Тревожа заживающую рану...
Я сам пойду по тоненькому льду,
Как только ждать и верить перестану.

Ну, а пока — растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольник...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.

Дьякон

Возле церкви, на Полянке,
Где торговля и разбой,
Не с похмелья, не по пьянке
Плачет дьякон с бородой.

Под усмешки и улыбки
Тех, кто выдержан и крут,
Его слёзы, как улитки,
Во все стороны ползут.

Плачет батюшка воочью,
Плачет долго, словно спит.
Что ты плачешь, милый отче?
— Я всё понял... — говорит.

Он стоит худой, безвестный,
Сам с собою не в ладу.
Но сияет крест наперсный,
Словно праведник в аду.

Кто-то злится и зевает,
Уходя отсюда вон...
Ну, а тот, кто понимает,
Плачет так же, как и он.

Мы Русь ругаем по привычке,
Повсюду грязь и барыши...
Но ехал Чичиков на бричке
В потёмки собственной души.

Нас опоили зельем горьким,
Слепили пыльное клише.
Но дно, увиденное Горьким,
Он видел в собственной душе.

Веками ларчик замыкался,
Но в нём хранили ерунду.
И Данте в душу опускался,
А говорил, что был в аду.

Квадрат тумана

1

И вот я вновь в краю дурмана,
Где мёд течёт по вечерам,
Где по ночам квадрат тумана,
Как мамонт, ходит по горам.

Я жизнь откладывал на завтра
Я видел всю её — в гробу...
Но тьма вошла, как Каларатра,
В мою раскрытую избу.

Блеснув звездой на дне стакана,
Она спросила: «Знаешь сам,
Что по ночам квадрат тумана,
Как мамонт, ходит по горам?»

«Прости, — сказал я, — Каларатра,
Я в этом мире одинок,
Но босоногая Астарта
Плетёт мне свадебный венок!»

Она вздохнула: «Рано, рано
Судьбу распарывать по швам.
Твой путь лежит в квадрат тумана,
Который ходит по горам».

«Уйди, — сказал я, — Каларатра».
Она вздохнула тяжело:

«Ты жизнь откладывал на завтра,
Оно сейчас к тебе пришло!»

И разошлась стена, как рана,
Упал в траву замок дверной.
Я вышел в ночь. Квадрат тумана
Стоял, как мамонт, надо мной.

«Иди!» — сказала Каларатра.
Я молча выбросил ключи.
И босоногая Астарта
Печально вскрикнула в ночи.

2

Я вошёл. И сомкнулись прозрачные дверцы.
Я вошёл и увидел бездонную даль.
Под берёзой родник волновался, как сердце,
Журавли пролетали, глотая печаль.

Журавлям отвечала цикада-свистёлка,
Шли бизоны и страусы на водопой.
И к ногам моим зябким бегущая Волга
Намывала негромко песок золотой.

Невесомо бежали мурашки по коже,
Сок берёзы стекал, словно воск со свечи.
Я увидел, что мать моя очень похожа
На Астарту, кричащую где-то в ночи.

Улыбался подсолнух и бабушка Ванга
Улыбалась слезами, как дождь-росинец.
И у места слияния Волги и Ганга
Для меня возводили хрустальный дворец.

На ветвях наливались янтарные фиги
Мельхиоровый аист гулял по волнам.
И стояли на полке те самые книги,
Что когда-то я буду писать по ночам.

Я увидел пустыни и даль океана,
Поклонился земным и небесным богам
И очнулся, и вскрикнул в квадрате тумана,
Уходящего в ночь по холодным горам.

Засмеялась опять надо мной Каларатра,
Уронила с ноги золотой башмачок.
И упал я в цветы, из которых Астарта
Мне недавно сплела обручальный венок.

На воле

Будто бы искорка — чайка летает.
Крылья мгновенные гаснут во мгле.
Утро рождается, как умирает...
Что происходит на этой земле?

Что происходит со мной на рассвете,
Да и рассвет ли встаёт надо мной?
Как беспризорники, мысли о смерти,
За руки взявшись, стоят за спиной.

Раньше бы я забросал их камнями,
Всех бы окрестных собак натравил,
Раньше бы я их своими руками
Без сожаления здесь удавил.

Но не могу, не могу разозлиться.
Мысли о смерти — у моря, во мгле —
Светятся тихо, как детские лица...
Что происходит на этой земле?

Любить

Любить её. О ней ни слова
Не говорить. Воды не лить.
Любить нелепо, бестолково,
Писать стихи. Не есть, не пить.
Глотать мороз. Рубить поленья,
Скупать шелка на паруса.
Поставить землю на колени,
Склонить пред нею небеса.

Любить, как лезвием по нерву,
Как по сопернику — мечом.
Любить в ней ангела и стерву,
Не понимая, что почём.
Любить в дожде и снегопаде,
В репьях, злословии, долгах,
Как в затонувшем Китеж-граде,
Как на «Титанике» во льдах.

Любить в былом и настоящем,
И с губ сорвать, хоть колесуй,
Во тьме, над Родиной горящей,
Её последний поцелуй.
Забыть измену и обиду,
Сиянье трона во дворце,
Любить Марию и Исиду
В её нетающем лице.

Любить под небом и под Богом,
Под ивой и под черемшой,
Любить меж банею и моргом,
В Ковше Медведицы Большой.
Любить её в огне утопий,
В аду, в ночи на Рождество,
Любить в раю, любить в утробе,
Под крышкой гроба своего.

Любить. В тумане краснотала
Ломать всю ночь серёжки верб
И понимать, что жизни мало,
Уже идущей на ущерб,
Чтобы любить её, токуя
В ночи, без проблеска огня...
Любить её. Одну. Такую,
Уже забывшую меня.

Любить на море и на суше.
Терпеть. На Бога не пенять.
Отдать ей сердце, песни, душу
И ничего взамен не взять.
Любить её в волнах потопа,
В опочивальнях всех царей...
Безумно, зло — любить до гроба,
Потом любить — ещё сильнее.

Я воду ношу

Я воду ношу, раздвигая сугробы.
Мне воду носить всё трудней и трудней.
Но как бы ни стало и ни было что бы,
Я буду носить её милой моей.

Река холоднее небесного одра.
Я прорубь рублю от зари до зари.
Бери, моя радость, хрустальные ведра,
Хрусти леденцами, стирай и вари.

Уйду от сугроба, дойду до сугроба,
Три раза позволю себе покурить.
Я воду ношу — до порога, до гроба,
А дальше не знаю, кто будет носить.

А дальше — вот в том-то и смертная мука,
Увижу ли, как ты одна в январе
Стоишь над рекой, как любовь и разлука,
Забыв, что вода замерзает в ведре...

Но это ещё не теперь, и дорога
Протоптана мною в снегу и во мгле...
И смотрит Господь удивлённо и строго,
И знает, зачем я живу на Земле.

Разлад

Дожди ниоткуда,
Тропа под уклон.
И снова остуда
Уводит в полон.

О смерти судачу,
От жизни таюсь.
То радостно плачу,
То горько смеюсь.

Весна без ответа
И лето — пусто.
И то мне не это,
И это не то.

Вот так и остуда —
Идёт без следа:
Не знаю — откуда
Не знаю — куда.

Очищение

Гром на рассвете разбудит.
Встану — а небо в крови.
Кажется, больше не будет
Веры, надежды, любви.

Волга черна, словно Лета.
В пропасти прожитых лет
Спят облака Параклета,
Спит в облаках Параклет.

Нет у России наследства,
Врали цари и вожди.
Листья летят — не надейся,
Звёзды сгорают — не жди!

Пусто на сердце и грустно,
Время расправу вершит.
Господи! Как же искусно
Мир для погибели спит!

Справа и слева — могилы,
Слева и справа — кресты.
Господи! Хватит ли силы
Верить, что всё это Ты?

Так говорю — и немею,
Будто бы слышу ответ.
И над землёю, над всею,
Вижу незыблемый свет.

Вижу луга и дубравы
И понимаю, что вновь
Вера рождается — справа,
Слева — сияет любовь!

Выйду в студёные росы,
Тихо растаю во мгле.
Так вот и кончится просто
Время моё на земле.

Положим, просёлок, дорога
И лес утопает во мгле...
Положим, что это не много
Для счастья на этой земле.

Положим, что это не много.
Но как хорошо, что во мгле
Есть именно эта дорога
На именно этой земле!

Проклинаю смешную свободу,
Провожая глазами зарю,
На корме, уходящей под воду,
Я тебя ни за что не корю.

Ведь от неба, от Бога, от века,
В темноте городов и полей,
Так устроена жизнь человека:
Чем прекрасней она — тем больней.

На распутье тумана и риска
Всё как есть принимает душа.
Эта жизнь коротка, как записка,
И поэтому — так хороша!

Стрела летящая

Ольге Рыбаковой

Горит свечи огарок. Я болен, близорук.
Но Волга под Самарой натягивает лук.

Болит сквозная рана, дрожит ночная нить.
Мне рано, рано, рано из жизни уходить.

Со свистом, в небе тая, надежда во плоти,
Высокая и злая, лети, стрела, лети!

Люблю тебя такую, летящую во тьму,
Я триста лет тоскую по свисту твоему.

Не поддаваясь сраму, пойду через метель,
По золотому шраму — за тридевять земель.

Туда, где годы-глыбы, потоки-бегуны,
Где огненные рыбы летают, словно сны.

Где рощи, словно своды, под сводами —
хорал,
Где мир своей свободы ещё не потерял.

В лесу и на опушке увижу ясный свет,
И всё, что видел Пушкин, сжимая пистолет.

Наперекор

Живу судьбе наперекор.
Отпела Русь, отговорила.
Под каждым деревом — топор,
Под каждым облаком — могила.

Куда не взглянешь — всюду топь.
Шагнёшь на мост — а он сгорает.
Как будто это речка Злобь
По всей России протекает.

Дороги вещице во мху,
Застрял обоз в болотной жиже.
Святая правда — наверху,
А мы живём немного ниже.

Дорога — сон, а даль пуста,
Страданье русское — бессрочно.
Но Русь, как Дева у Креста,
Во мне чиста и непорочна.

Пускай проходят времена,
Меня лица и одежды....
Но только Родина одна
Вернее славы и надежды.

Сомкни кричащие уста,
И станет вновь твоей судьбою
За высотой высота
И глубина за глубиной.

Пастораль

Я живу один, за речкой,
Слышу тайные шумы.
Но и здесь мне не заречься
От тюрьмы и от сумы.

Эта мука длится, длится,
Точит камень, не спеша.
Но не может отделиться
От страдания душа.

Ворон каркает на липе,
День уходит в никуда.
В каждом шорохе и всхлипе —
Тайна Божьего суда.

Страшно пить, но жить страшнее,
А тем паче — одному.
Я скулю, склоняю шею,
Как Каштанка и Муму.

Всё на нитку, на живую,
Сшито ветром и дождём.
Где ты, Боже? Я бомжую
В мироздании твоём...

* * *

Хотя б напоследок — у гроба,
Над вечным посевом костей,
Подняться на цыпочки, чтобы
Стать выше проклятых страстей.

Подняться туда, где и должно
Всю жизнь находиться душе.
Но это уже невозможно,
Почти невозможно уже.

Плач Ярославны

Я на земле рождаюсь не впервые.
Живу опять над пропастью во лжи,
Где век иной и витязи иные
Горят и тают, словно миражи.

И в перелётном облаке печали
Я понимаю тихо, как во сне:
Напрасно розу с жабой обвенчали
Стихи поэта, жившего на дне.

И мы потом, когда нам отчудилось,
Постигли суть запретного плода:
Америки из нас не получилось,
Но русский дух растаял навсегда.

Теряя память, мужество и силу,
Руслан навек уснул под лебедой,
И, торжествуя, юную Людмилу
Несёт по небу Карла с бородой.

Мороз, мороз — по Родине, по коже!
Мне за погостом видится погост.
Россия, Русь! Я бедствую, но всё же,
Во мне живёт твой вещий Алконост.

И по ночам легко и осиянно,
К степной траве склоняясь головой,
Я обливаю мёртвого Руслана
Живой водой и мёртвою водой.

Пройдут года проклятого дурмана,
И я скажу, платочек беребя:
— Вставай, Руслан! Отчаиваться рано.
Людмила ждёт по-прежнему тебя.

Я думал, чудится и снится...
Но снова звякнули ключи,
Открылась дверь, и половица
Три раза скрипнула в ночи.
Мурлыкал кот, спала собака,
Христос светился на стене...
Но кто-то шёл ко мне из мрака,
Всё ближе двигался ко мне.
Был незнакомец очевиден,
Как трепет листьев под луной...
Я в темноте его не видел,
Но он стоял передо мной.
Стоял над жертвою вечерней —
Высокий, пыльный, как гонец...
И голос был: «Твоим мученьям
Я положить пришёл конец!
Поэт! Ты прячешься от боли,
Твоим сомненьям нет числа...
Но знал бы ты покой и волю,
Когда бы не изведал зла?
Тебя сомнение съедает
И злит неведомая власть...
Но только зло людей скрепляет
И не даёт навек пропасть.
Пусть будет всё — цветы и плаха,
Герасим, барыня, Муму...

Без содрогания и страха
Никто не нужен никому!
Да что останется от песен,
Куда девать Девятый вал,
И чтобы значил ты, Телесин,
Над чем бы слёзы проливал?
Живи, поэт, как перст и кукиш,
Вбирай в себя святую ложь.
Пока ты падаешь — ты любишь,
Пока куражишься — живёшь!
Держись, поэт! Не думай спиться,
Побольше думай и молчи!»
И снова те же половицы
Три раза скрипнули в ночи.
С тех пор я жалости не знаю
И, отводя в сторонку честь,
Святое зло благословляю,
И сам не знаю, кто я есть.

Душа

По улицам дура гуляет,
Опавшей листвою шурша,
Танцует, поёт и не знает
О том, как она хороша.

Мне полночь играет побудку,
И снова, застыв у окна,
Я слышу небесную дудку,
В которую дует она.

С утра, у речного изгиба,
Где нет ни людей, ни оков,
Она, как летучая рыба,
Мелькает среди облаков.

Не знаю, что будет в итоге,
Но вижу чудесный пролог:
Какой-то дурак на дороге
Целует следы её ног.

Целует, и след пропадает,
С дороги ведёт в облака.
Смешно вам? А дура летает
По небу того дурака.

Сальери

Сниму замок, открою двери.
Ботинки грязные? Пустяк!
— Входите в горницу, Сальери,
Как боль, как совесть, как сквозняк!

Что взято в жизни — то не свято.
Я смог понять уже в гробу,
Что и меня могли упрятать
В такую страшную судьбу.

Теперь, все ужасы измерив,
Решив уроки повторить,
Мы будем пить вино, Сальери,
И печку русскую топить.

Пусть брезжит прошлое в окошке,
Пусть вечный Карл крадёт коралл.
Играй, Сальери, на гармошке,
Как Моцарт в жизни не играл!

Играй то яростно, то строго,
Кричи: брависсимо, виват...
В пространстве истины и Бога
Никто ни в чём не виноват!

Искусство поэзии

Быть может, в этом всё и дело
Что вновь душа опьянена,
Что ты забыл в кровати тело,
С которым счастлива жена.

Иди в приют, где, как бродяжки,
Слова, залитые вином,
Смеются, плачут, рвут рубашки
И поднимают пыль столбом.

Иди, смотри в глаза и щёлки,
Осколки счастья собирай.
Там страсти рыщут, словно волки,
Там льются слёзы через край.

Там сбиты смыслы, как коленки,
И синеглазый майский гром
Плохие рифмы ставит к стенке
И рубит штампы топором.

Там не дают к столу отжимки,
Прокисший смех, остывший крик.
Оставь мартышкам все ужимки,
Верни в гримёрную парик.

Пушай скрипит янтарный гравий,
Пусть дым риторики горчит.
Беги, беги от мёртвых правил,
Плыви во тьму, как белый кит.

Верни индейцу побрякушки
И на опушках облаков
Оставь для мальчиков хлопушки,
Как звон кандальных бубенцов.

Иди, иди! Не прекословь,
Руби концы, руби начала!
Всё начинается сначала:
И вдохновенье, и любовь!

Конечно, можно без сумбура,
Без белых стенок и китов.
И в словаре хватает слов...
Но это всё — литература.

Огонь

То-то было на сердце неладно,
То-то выла собака в ночи:
Возвернулись гостёчки обратно,
Развалились, как угли в печи.

Одуванчики, пьяные в стельку,
Голосят с заповедных времён
Безвозвратную песню про Стеньку,
Беспросветную песню про клён.

Оборванцы мои! Забулдыги!
Гаснет пламя. И нечего сжечь.
Все бумаги мои и все книги
Дочитала голландская печь.

Догорел этот мир и распался,
Как воронье гнездо на дубу.
Всё, чем был он, и всё, чем казался,
В полчаса улетело в трубу.

Всё сгорело — слова и цифири,
День Победы и яблочный спас...
Ничего мы не знаем о мире,
Ничего он не знает про нас!

Нет, не напрасно сердце билось
И след стекал с карандаша.
Чем меньше тело становилось,
Тем больше делалась душа.

И вот — под шорох звездопада —
Настал неведомый черёд:
Мне ничего уже не надо,
Я чист и холоден, как лёд.

Судьба конечно же не память,
А та — безбрежная вода,
Где можно плыть и таять, таять,
Без слёз, без злости, без следа.

В поезде

Мне ни чаю, ни водки не надо.
Всё проходит: хмелей — не хмелей.
Как поэт, убежавший из ада,
Я печально смотрю на людей.

Они ждут небывалого чуда,
Их волнует ночная езда...
Я не с ними. Я еду оттуда.
А они ещё едут туда.

Вишенка

*Стихотворения,
опубликованные в период с 2009 по 2012 годы,
а также на сайте Стихи.ру*

Круги

Под глазами круги, словно адовы круги,
Лукоморье пропало в моей бороде.
Я один на земле. Все друзья и подруги
Разошлись в темноте, как круги по воде.

Двадцать лет темнота над родимой землёю,
Я, как дым из трубы, ещё пробую высь...
Но кремнистый мой путь затянулся петлёю,
И звезда со звездой навек разошлись.

Истоцилось в писаньях духовное брашно,
Я устал и остыл. Я лежу на печи.
Умирать на земле мне почти и не страшно,
Но весь ужас скрывается в этом «почти»...

Для малого стада

Больше тайна не скрыта печатями.
Прочитай до конца, и держись.
Приговор утверждён окончательно:
«Мир погибнет. Останется жизнь».

Не спасутся артисты и зрители,
всё свершается ныне и днесь.
Это нам предстоит упоительно
потерять всё, что было и есть.

Скоро с бледной усмешкою гения,
словно в строчках босого Басё,
Из туманного лона знамения
выйдет месяц, решающий всё.

Вот и жди, умирая от нежности,
разводя разноцветный туман,
Тридцать дней и ночей неизбежности,
что предсказывал нам Иоанн.

Засияют небесные лезвия,
станут пылью земной торгаши;
И откроется (после возмездия)
невозможная тайна души.

Осень

Опять — из речного тумана,
Из леса, из брошенных дач
Я слышу слова Иоанна:
«Не холоден ты, не горяч!»

Мокрица ползёт по короне,
Над троном мерцанье ворон...
Как будто бы стал чичероне
Предавший себя Цицерон.

А рядом туманится Волга,
Печальна она и пуста...
И длится, но длится недолго
Паденье сухого листа.

Мне прилечь бы...

Мне прилечь бы, пасмурная родина,
Под кустом растаять, как сугроб...
Чтобы снова белая смородина
Красной кровью капала на лоб.

Чтоб забыть всю злость и наущения,
Жажду мести, ставшую виной;
Чтобы белый ангел всепрощения,
Словно дождик, плакал надо мной.

Чтоб платить и ныне, и старицею
За судьбу, сиявшую в глуши;
Чтобы гуси плыли вереницею
В небеса распахнутой души.

Родные

И день — святой, и ночь — святая.
Весь год, под Богом и луной,
Я говорю тебе: «Родная» —
Ты откликаешься: «Родной».

«Родной!» — в ночи и на рассвете,
Вплоть до скончания времён...
Как будто нам до самой смерти
Не надо собственных имён.

А если смерть разрубит нити
Судеб, что сделались одной,
Пускай напишут на граните:
«Здесь спят «родная» и «родной».

Русская женщина

Нет ни обиды, ни зависти. Там, где на зависть
свечам,
Цаплей выходит из заводи свет, не подвластный
очам.
Думы уходят несносные, мчатся стрижами в зарю.
Тихо махаю я вёслами, в русские дали смотрю.
Вижу, за жёлтыми плавнями, там, где уснули
гребцы,
Ольга с княжной Ярославною держат коней
под уздцы.
А над песком и пологою, словно святые дары,
Ася с Наташей Ростовою машут платками с горы.
Рядом, под жёлтыми липами, взгляды укрыв
в облаках,
В муках — Настасья Филипповна, Бедная Лиза
в слезах.
Тянется дым над долиною, в поле туманы встают.
Марья Моревна с Полиною русскую песню поют.
Тихо столетья качаются, лодка, постой, не плыви...
Тают они и сливаются в тело единой любви.
Вижу я давнее, дальнее, маленький скит
под звездой...
Бабка несёт повивальная вёдра с живою водой.
Сбудется всё, что завещано, даром кричит вороньё...
Вот она — русская женщина! Русь — ещё в лоне её!

Совість

Звёзды сияют над вечным покоем,
В мантиях судей рождаются сны...
Я понимаю, что не успокою
Чёрное море тоски и вины.

Думы дымятся, плывут облаками,
Жизнь застывает в моём муляже...
Вспомню и вздрогну, закроюсь руками:
«Господи Боже! Довольно уже!»

Не допишу я прощальную повесть
И не раздую иного огня...
Дождь разошёлся, как за полночь совесть,
С пыльной дороги смывая меня.

Озеро

Лодку направлю по курсу зари,
Выну восторг из-под спуда.
Белое озеро с небом внутри,
Здравствуй, забытое чудо!

Вот и закончилось время беды,
Снова сквозь ивы и клёны
Гладит измявшийся ситец воды
Солнца уют раскалённый.

Вот и вернулся, увидел, нашёл
Место последнего вздоха.
Господи! Господи, как хорошо —
Всё, что закончится плохо!

Крики лягушек и дрожь тростников,
Гуси над берегом мчатся.
Так и останусь на веки веков
В старенькой лодке качаться.

Мало на свете таких молодцов,
Пьющих погибель, как водку...
Пусть улыбнётся на небе Рубцов,
Помня про сгнившую лодку.

Памяти Юрия Кузнецова

Стихи неведомых поэтов:
Всё та же боль, всё та же суть.
Его вопросы ждут ответов,
Но спин не могут разогнуть.

Он жил, но с миром не сливался,
Был только тайной вдохновим.
Сквозь ливень шёл, но оставался,
Как порох — страшным и сухим.

Он был бледней ночного снега,
Жил на земле, как в шалаше,
Как будто замыслы побега
Хранил в измученной душе.

Он на реке таил пирогу,
Во сне выстругивал весло
И говорил ночами Богу:
«Куда нас, милый, занесло?»

В его душе летели птицы,
Планеты плавали в огне;
И проливались на страницы
Слова, неведомые мне.

И я его любое слово
Глотал, забыв и стыд, и срам,
И, как трамвай от Гумилёва,
Летел по призрачным мирам.

Он не терпел вранья и блуда,
Ходил разутым в феврале
И говорил: «Я не отсюда.
Я лишь проездом на земле».

Смеялись ангелы и черти,
И белых яблонь таял дым...
Он не хотел бояться смерти
И умер страшно молодым.

И я, познав другое зренье,
Ищу неведомой любви,
И все его стихотворенья
Пытаюсь выдать за свои.

Памяти Володи Евсеичева

Забывтый мост вздыхает шатко,
В дремучий лес уходит путь,
И наша сонная лошадка
Плетётся рысью, как-нибудь;
Родная глушь. Побег из плена.
Воспоминанья ворошу
И на телеге, словно сено,
Пропавшей юностью дышу.
Вот здесь, где осень воловодит,
Где льётся свет моей вины,
Когда-то жизнь любил Володя,
Поэт российской глубины.
И здесь, под дождиком, на спуске,
Я вспомнил свет его звезды...
«О Боже мой! Какой же русский
Не любит медленной езды!»

Я и Бродский

Я был печальным и неброским,
Я ненавидел «прыг» да «скок»,
Не дай мне, Бог, сравнений с Бродским,
Не дай-то Бог, не дай-то Бог!

Стихов его чудесный выдел
Я вряд ли жизнью оплачу.
Он видел то, что я не видел,
И то, что видеть не хочу.

Он, как туман, не верил точке
И потому болтливость длил,
И боль земную на цепочке
Гулять под вечер выводил.

Он верил образам и формам,
Особым потчевал питьём,
Но пахли руки хлороформом,
Марихуаной, забытьём.

И понимал я злей и резче,
Что дым клубится без огня,
Что как-то надо побережься
От слёз троянского коня.

Бродяга

Соседи, ставящие сети,
Смирите гневные басы...
Меня любили ваши дети
И ваши брошенные псы.

За горький запах самосада,
За незнакомые миры
Меня на лавочках досады
Не распинаяте до поры.

Есть у меня тетрадки в торбе
С ростками зёрнышек живых...
Там есть частицы вашей скорби
И ваших радостей земных.

Люблю я раков и улиток,
Я ничего у них не крал...
Я, как разбойник после пыток,
Всё небо в лёгкие вобрал.

Ну что вы сорите словами
На радость замшевых старух?
Я жил негромко рядом с вами,
Как подорожник и лопух.

Я бормотал стихи невнятно,
Любил измученных людей...
И осыпались с солнца пятна,
И в мире делалось светлей.

Ангел дураков

Мы бы здесь давным-давно пропали,
но Господь, по счастью, не таков.
Чтоб из нас не выпали детали,
есть на свете ангел дураков.
В понедельник или в воскресенье —
мне узнать про это не с руки —
нам его послали во спасенье:
там у них вверху не дураки!
Он нас ночью утешает: «Тише!» —
если вдруг отчаянье грызёт.
Он нас ловит, падающих с крыши,
и на скорой помощи везёт.
В слипшихся, насквозь промокших платьях,
в водорослях, залепивших рот,
он несёт нас бережно в объятьях,
невредимых, на берег кладёт.
Он следит, кого и кто обидел,
возле печки тушит угольки.
Говорят, его никто не видел.
Что с нас взять — вестимо, дураки!
Чтобы мы в потёмках не плутали,
чтоб уж точно, чтоб наверняка,
он включает фонари в квартале —
чтоб дурак увидел дурака.
А потом сквозь сумерки и вьюгу
добрый ангел, улетаая ввысь,
бросит нас в объятия друг к другу,
чтобы мы здесь не перевелись.

Фотография

Фотографии. Господи, вот ведь
Не затянута льдом полынья...
И давно уже поздно злословить,
Отрекаться, что это — не я.

Нас отметили, как наказали.
Мы с тобою тоскою полны.
Ты косишь золотыми глазами,
Словно рыба со дна полыньи.

На упрёке закушена губка,
В кулачках умирает испуг,
И немного расстёгнута шубка,
Слишком узкою ставшая вдруг.

А правее чуть-чуть, на отшибе,
Где и ныне закат не погас,
Детский садик нелепых ошибок,
Взявшись за руки, смотрит на нас.

И вот так у речного причала,
Ни за что эту жизнь не виня,
Тридцать лет ты стоишь, не качаясь,
Словно всё ещё веришь в меня.

До сих пор не открытая тайна,
Словно рыба, уходит на дно;
И лицо твоё в клочьях тумана
Расплывётся, словно пятно.

Можно было бы резкость настроить,
Но фотограф пришёл под шафе...
И не видно ещё, что нас трое,
Что нас трое на свете уже.

Родина не виновата

Дремлет шестая палата.
Врач говорит над врачом:
«Родина не виновата,
Не виновата ни в чём».

Тихо, уже на рассвете,
Таёт дыханье врача:
«Я бы хотел перед смертью
Поцеловать палача».

Очи потом пятаками
Врач закрывает врачу.
Боженька над дураками
Держит святую свечу.

И от зари до заката
Плачет палач с палачом:
«Родина не виновата,
Не виновата ни в чём».

Дуда зовущая

Только слышится ночью осеннею,
Как бывает во сне и в бреду,
Что опять за крыльцом, за деревнею
Кто-то дует и дует в дуду.
Что же там — за дождём, за потёмками,
За мучительным скрипом плетня?
Что за странные люди с котомками
Дожидаются снова меня?
То ли ночь, то ли жизнь на исходе...
Для чего же мне рваться туда?
Я ведь знаю, что тот, кто уходит,
Всё равно не придёт никуда.
Надо жить, как цветы и деревья,
Надо падать в свою борозду...
Так зачем же опять за деревнею
Кто-то дует и дует в дуду?

Зависть

Родился царём я по воле Эреба,
Я десять держав, как одну, покорил.
И звёзды сторали, и падали с неба
На тысячи тысяч безвестных могил.

И был на земле я, то белый, то чёрный,
Рождаясь от новых и новых царей;
И мир ослепительный, мир вероломный
Познал, как повадки рабов и зверей.

Я видел небес роковую безбрежность,
Как в бездны морей опускается твердь;
Я видел тщету и судеб безнадежность
И сам выбирал себе веру и смерть.

И был я подвержен земному искусу,
Душа не чуралась ни гнева, ни зла;
И зависть была, но к Христу Иисусу...
Мне мир покорился. Но зависть была.

Жена и ангел

И отныне мне с круга не сбиться,
Не исчезнуть в снегах декабря.
Даже Богу жена не приснится
Совершенней и чище тебя.

Сколько раз ты уже, обмирая,
Словно строчка в горящем письме,
Босиком убегала из рая,
Чтоб меня отыскать на земле.

И, пройдя по дремучей дороге,
Потрясая остатками крыл,
Оставалась со мною в берлоге,
Где я морду полгода не мыл.

Голодала, чесалась, дрожала
И, расхожий меняя сюжет,
Темноту, что меня окружала,
Превращала в негаснущий свет.

Пропажа

Поутру, с кручиной древней,
Позабыв, что сказка — ложь,
Я приеду в ту деревню,
Где в затворе ты живёшь.

Возле дуба векового,
Скажет дед, перекрестясь:
«Не слышали про такого
И не знали отродясь».

Он вздохнёт над жёлтым луком,
Над картошкой в мешке...
И пойду я по проулкам,
В чёрной шляпе на башке.

Я пойду под сенью вишен,
В домик, нанятый бедой,
Где мой друг живёт и пишет,
Словно дышит под водой.

Только скажут бабы снова,
На приезжего дивясь:
«Не слышали про такого
И не знали отродясь».

Наскитаюсь до изводу
И заплачу под луной...
Словно взял и канул в воду
Камень, брошенный страной.

Ни войны тебе, ни вспышки,
Но всё тот же жуткий век.
Так — без дна и без крыши —
Взял и стигнул человек.

Хорошо, что я круглый дурак,
Что хочу и зимою, и летом
Жить одною тобою, но так,
Чтобы ты не узнала об этом.

Да, конечно, я круглый дурак.
Но я тайному голосу внемлю,
Понимая, что именно так
Любит Бог человека и Землю.

Смерть поэта

Чётки дней перебираю,
Над тобой держу свечу.
«Умираешь?» — «Умираю».
«Оставайся» — «Не хочу».

Я не плачу, Бога ради,
И не рву земную связь.
На столе лежат тетради,
Как живые, шевелясь.

Все страницы дышат бредом.
Их не сжечь, не утопить.
Между тем и этим светом
Невозможно долго жить.

Владиславу Сергееву

В зоне заклётого круга
Я объяснить не могу —
Ненависть лучшего друга,
Тёплые чувства к врагу.

Память проходит по венам,
Ночи проходят без сна.
Жизнь, словно явка с повинной,
Мне в наказание дана.

Господи, так не бывает,
Господи, что за туман?!
Поезд в Москву прибывает,
А за окном — Магадан.

Стынут в потёмках солдаты,
Судьбы идут на излом;
Трижды забытые даты
Стянуты мёртвым узлом.

Вот оно — место для казни,
Прежние трупы во рву...
Господи! Я ведь на праздник
Ехал с женою в Москву!

Что же напуган зевака,
Кто там стоит за спиной?..
Словно выходят из мрака
Люди, убитые мной.

Словно под яркие вспышки
Старый кондитер на торт
Лепит бараки и вышки,
Сопки и Ванинский порт.

Ваньки, Борисы и Кацы,
Баржи, могилы, кресты...
Воздух царапают пальцы,
Рвутся от ужасы рты.

И под тоской журавлиной
Длится в безвинной судьбе
Вечная явка с повинной
К Родине, к Богу, к себе.

А могло ведь случиться

Я забыл неподкупное дело,
Я застыл, ожидания для...
Что-то вяло, что-то звенело,
Приближалось, дрожа и моля.

Я не слышал, как ворон прокаркал,
Я не слышал, как плачут в тюрьме...
Вот сейчас... Неожиданно, ярко
Это «что-то» возникнет во тьме.

Но погасли осенние дали,
Помрачнели кусты за окном...
Лишь часы в темноте стрекотали,
Только пыль облетала с икон.

Снова скука, томление, чинность,
Свет аптеки, фонарь за углом.
Боже мой, ничего не случилось!
А могло ведь случиться, могло...

Неринга

Транзитом из Америки, бросая вверх «Ау!»,
Вдоль берега, у Неринги, как Беринг, я плыву.

Устало пирс качается, как крест на бурлаке...
И жизнь моя кончается в латышском городке.

Слова, как льдинки, хрусткие, дома стоят,
как льды...
 По льдинкам люди русские склонились от беды.

От злости и от замяти темна моя звезда...
И всё-таки от памяти не деться никуда.

Я плачу над могилами, сгибаюсь от тоски.
И как вам спится, милые, Латышские стрелки?

Гусь

Туман над водою встаёт.
Вздыхает в палатке Маруся.
Он вышел и выстрелил влёт
В большого небесного гуся.
Он не был добром или злом,
Он в думах своих не метался.
А гусь с перебитым крылом,
Как маятник, в небе болтался.
Он силы и волю терял,
Он медленно падал на лодку...
А я никогда не стрелял
И пил из-за этого водку.

Родиться русским...

Свою судьбу, рассыпав снегом,
Шепчу над родиной святой:
«Родиться русским человеком!
Какое счастье! Боже мой!»
Родиться русским. Петь и драться.
Писать стихи, брести домой
В худой одежде голодранца...
Какое счастье, Боже мой!
Родиться русским! Парус ладить,
Сжимать в руках цветы и плеть,
Всё полюбить и всё утратить,
И ни о чём не пожалеть!

Опять мороз идёт по коже.
Кричат во тьму глаза и рты.
Черты России не похожи
На Богом данные черты.

И я, надеждою измеря
Пространство памяти своей,
Таю в душе тревогу зверя
И нежность белых лебедей.

Мельчают даты и години,
Дурманом полнится экран.
И Русь, как девочка на льдине,
Согреть не может океан.

Наш путь — без духа, без возврата,
Среди невидимых сетей.
В туманной области разврата
Теряет Родина детей.

Порой покажется — светает
Над полем, речкой и цветком...
Но всё быстрее льдина тает
Под каждым русским городком.

Страна берёзового ситца
Ещё как будто бы жива...
Но на престол уже садится
Иван, не помнящий родства.

И я, грядущему не веря,
Вдали от мира и людей,
В своей душе лелею зверя
И убиваю лебедей.

Емеля

Давно телеги отгремели,
Распалось кровное родство.
И слово шуки для Емели
Уже не значит ничего.

Веленья нет, и нет хотенья.
Емеля ест и спит в пыли,
И травы косит до цветенья,
Чтоб, значит, больше не росли.

Он сирота в своей отчизне
И всё мечтает, глядя вверх,
Что жизнь начнётся после жизни,
Как после дожличка в четверг.

Барыня

Боль запоздалая. Совесть невнятная.
Тьма над страной, но мысли темней.
Что же ты, Родина невероятная,
Переселяешься в область теней?

Не уходи, оставайся, пожалуйста,
Мёрзни на холоде, мокни в дожди,
Падай и ври, притворяйся и жалуйся,
Только, пожалуйста, не уходи.

Родина милая! В страхе и ярости
Дай разобраться во всём самому...
Или и я обречён по ментальности
Вечно топить собачонку Муму?

Плещется речка, и в утреннем мареве
Прямо ко мне чей-то голос летит:
«Надо убить не собаку, а барыню,
Ваня Тургенев поймёт и простит».

Шариков

Смотрю, как Шариков, в окошко
И зябко кутаюсь в сюртук.
Опять орёт в потёмках кошка
И сердце мечется — тук-тук.

Запрещена на них охота,
Увы, печален мой удел.
И я с тоскою Дон Кихота
Смотрю на этот беспредел.

В потёмках слышен голос женский,
Из-за ворот вином разит.
Но мне старик Преображенский
Всё время скальпелем грозит.

Он ест смородину и сливы
И гладит кисть чужой жены.
Мои прекрасные порывы
Ему не очень-то нужны.

Я жизнь люблю и обожаю,
Во мне всегда душа горит.
А эта женщина чужая
Мне «мяу-мяу» говорит.

И я опять смотрю в окошки,
Из мира изгнанный взашей.
Страшны ободранные кошки,
Но люди всё-таки страшней.

Старость Печорина

В дробном мире вороньего карканья
Старый домик глядит из темна.
Там печальная старая барыня
Днём и ночью стоит у окна.

На столе валерьянка и слоники,
На подносе чеснок и шпинат;
Там надежды сидят, как покойники,
И мечты в паутинах жужжат.

Еле теплится печка угарная,
В рюмке несколько граммов вина.
Тихо светится медь самоварная,
Манной кашей кастрюля полна.

Занавески и стены пастельные,
Два халата на русской печи.
На стене пистолеты дуэльные
И мундир генеральский почти.

Ходит кошка по комнате старая,
Пыльный фикус вздыхает во сне.
Одинокая старая барыня
День и ночь протирает пенсне.

Окна вымыты, дверь приотворена,
Под глазами у барыни грим.
Это жалкая старость Печорина
Ещё верит, что встретится с ним.

Всё сбывается

Время поста и пора разговенья.
Стол и тетрадка. Огарок свечи.
Бездна молчанья и пропасть забвенья —
Слева и справа — зияют в ночи.

Что происходит со мной? Непонятно.
Жизнь утекает, как капли с весла.
Доброе слово и кошке приятно,
Я же как кошка в когтях у орла.

Выше и выше взлетает несчастье,
Страшно когтями по тучам скрести.
То ли меня разорвёт он на части,
То ли над пропастью бросит: лети!

Что за беда? Не пойму и не знаю.
Знал Кузнецов, да сказать не посмел.
Русь подо мною. Лечу. Умираю.
Вот и сбывается всё, что хотел.

Ищу тебя

Во мне ты видишь пору листопада,
Когда прозрачны мысли и мечты,
Когда ни слов, ни музыки не надо,
Когда и так все помыслы чисты.

Ты вся во мне, и мы с тобою двое...
Среди миров, затерянных во мгле,
Люблю тебя, как любят неземное
Потерянные люди на земле.

Вот и ты живи...

Не сдавайся, брат, не кисни,
Не стреляйся на плацу.
Я и сам бежал по жизни,
Словно слёзы по лицу.

Я и сам плутал в тумане,
По вокзалам стыл и дроз;
И меня твои дворяне
Не пускали на порог.

Но, храня мечты босые,
Заплетая боль косой,
Я любил дожди косые,
Сам бездомный и косой.

Я зловещей ждал развязки,
Был и хром, и близорук,
Но возил любовь в салазках
Над обрывами разлук.

Я готов к опале, к тризне
И к терновому венцу...
Вот и ты беги по жизни,
Словно слёзы по лицу.

Давай...

Какая длинная зима,
Какие страшные морозы!
И, как берлога, спит тюрьма,
Глотая завтрашние слёзы.

Конечно, в камерах не мы.
И не твои черны подглазья...
Но от суммы и от тюрьмы
Ты всё равно не зарекайся.

В избушке, в церкви и в авто,
Где наши беды притаились,
Давай помолимся за то,
Чтобы они за нас молились.

Перед сим

И всё, что манило и мучило прежде,
И всё, что не манит уже никуда,
По-прежнему дорого нищей надежде,
В колготках невинности, в платье стыда.

Смешал я, как карты, приметы и метки,
Осталось лишь в сердце усталом стереть
Всё то, что скрывается в слове «допредки»,
Всё то, что случилось со мною допредь.

Мне курится чаще и спится всё реже,
Вода заливает душевную брешь...
И множится слово: «Допредки, допрежде» —
И снова по кругу: «Допреже, допрежь».

Я в ночь ухожу и стою у причала,
Где тает и рушится мартовский лёд...
И «прежде» становится словом «сначала»,
А то, в свою очередь, словом «вперёд».

И я разгибаюсь в ночи, как подкова,
Как олух небесный, глаголю: «Держись...»
Спасибо за жизнь тебе, русское слово,
За то, что ты снова богаче, чем жизнь.

Журавли

Я когда-то повесил на стенку картину,
Написал я всё то, что в окошко видать,
Написал, как умел, огород и рябину,
А тебя под рябиной не смог написать.

На картине царит небывалая просинь,
Остановлено мной увяданье земли;
На картине моей не кончается осень
И призывно кричат надо мной журавли.

Времена за окошком меняют обличья,
А они, отражая осеннюю медь,
Всё летят и летят, надо мною курлыча,
И не могут никак от меня улететь.

Но я знаю, я знаю, что близятся сроки,
Скоро в окна ударит ночная гроза;
Напишу я в тетради последние строки
И на вечные веки закрою глаза.

Мне рассыплет родная на гроб георгины,
Зацелует меня от макушки до пят.
И тогда журавли с этой грустной картины,
Покружив надо мною, на юг улетят.

Поливай же, жена, огород и рябину,
И не смей мой последний наказ забывать:
Не снимай со стены золотую картину,
Чтобы было куда журавлям прилетать.

Снова в деревне

Расставшись с собственной тенью,
Махнув рукою на права,
Я существую как растение —
Как боб, попавший в жернова.

Черны все комнаты и сени.
Затянут ужас, словно жгут.
Лишь по окну порою тени,
Как мысли Бога, пробегут.

Я глух и нем, как эта стенка.
В дыму, в потёмках и во рже,
От мира прячусь, словно Стенька,
Друзьями преданный уже.

«Ку-ку» доносится из сада,
Но не тревожит больше грудь.
Мне ничего уже не надо,
Хочу забыться и уснуть.

Снега в душе всё реже тают.
Исчерпан жизненный сюжет.
И только тени подтверждают,
Что существует белый свет.

Странная ночь

Прощаясь за тёмной избою,
Где мрачно шумела ветла,
Сказал он: «Я буду с тобою.
Останься такой, как была!»
Мгновения были так зыбки,
А в небе сияла луна...
Он слёз ожидал и улыбки,
Но долго молчала она.
Во тьму утекала глазами,
Куда-то бессильно плыла...
И думала: «Разве я знаю,
Какой я с тобою была?»

Вишенка

Наклонилась вишенка.
Смотрит и сопит.
Михаил Анищенко
Спит себе и спит.

День уже кончается.
Сына ищет мать.
А над ним качается
Божья благодать.

И звучит над кручами
Голос неземной:
«Это сын мой мученик,
Пьяный и босой».

И заходит солнышко
За гнилой умёт.
И всё так же матушка
Сына не найдёт.

Даром эта лишенка
Бродит по Руси.
Михаил Анищенко,
Господи, спаси...

Дом и река

Незаконченная поэма

Дом и река

Первая часть

1

Мы жили, прошлое верша,
Тая судьбу в душе.
Я был — плетёная верша,
Ты — рыба в той верше.

Вокруг мерцала водополь.
Как столб, стоял покой.
Мы пополам делили боль
И с небом, и с рекой.

Я в стане чёрных немереч
Был кровником лешне;
Я понимал тайгу, как речь,
Звучащую во сне.

Я не болел тогда, не чах,
Ловил в петлю гусей;
И нёс, как горы на плечах,
Оленей и лосей.

Я к моху гнулся во лузях,
Был с дебрями на «ты»

И приходил к тебе в груздях,
Огромных, как мечты.

Ты принимала мрак и гром
Без слёз и без докук,
И я, как тень, сидел потом,
У ног твоих и рук.

И тишь ложилась, как плита,
Как травы под пятой;
И жизнь была, и лепота
Была у нас с тобой.

И боли не было в башке,
И я не стал бы пить,
Когда б не вздумалось реке
Со мной заговорить.

2

А ты была во всём права —
В лесу и на лугу,
Когда мы жили одна,
На красном берегу.

Среди вселенской темноты,
Полярным льдом горя,
Река звала меня на «ты»,
Как бога и царя.

Она меня манила льдом,
Крошила в дробь шугу

И ненавидела наш дом
На красном берегу.

А дом, высокий, словно сны,
Мог прошлое беречь;
В нём стены были сложены
Из чёрных немереч.

В нём был всегда не ровен час.
В нём ты любила петь.
А я на дне долины пас
И жизнь свою, и смерть.

Я в той долине мёрз и мок,
Как каторжник святой.
Мне и не снился эпилог,
Придуманный тобой.

Я мог упасть с разбитым лбом,
Подставиться врагу...
Но у меня был синий дом
На красном берегу.

Тот дом любим был и желан,
В стекле и в серебре.
А в доме ты со мной жила,
Как муха в янтаре.

Нас снег закапывал зимой,
И я был словно тать.
Но ты любила сумрак мой
По рюмкам разливать.

До дна, до донца — ого-го,
Темней, ещё темней!
Ты не пьянела от него,
Но делалась моей.

Твоя рука — моя рука,
И лёд плывёт в огне.
И ненавидела река
Тебя тогда вдвойне.

Кричал на крыше козодой,
Скрывала дрожь Ташла.
Ты выходила за водой,
Как будто к плахе шла.

Тебе казалось, хоть ты вой,
Что я всё чаще лгу,
Что дом давно уже не твой
На красном берегу.

3

В избе кричала ребятня,
Сушились их портки.
И ты глядела на меня,
Как щука из реки.

Прошла проклятая зима.
Не пожелать врагу.
Ты не сошла ещё с ума
На красном берегу.

Мы жили смерти вопреки,
Смотревшей из-под век.
И ночь не пили из реки,
А днём топили снег.

Мы жили где-то за чертой,
В неведомом кругу.
Творилось в доме чёрти что
На красном берегу.

Святые падали со стен,
Кричал за знаком знак.
А за горою рак свистел,
Вобрав в себя весь мрак.

Река стегала буераш,
Куражилась нагой
И подмывала берег наш,
Не трогая другой.

Кричал петух, и пёс брехал,
Молился дровосек.
Река дышала, как река,
Где тонет человек.

Река — напрасная напасть,
Катила вниз фольгу.
И я не пил, не ел, не спал
На красном берегу.

Я на мостках стоял, скорбя,
Не веря в комильфо,

Река стонала и себя
Ласкала, как Сафо.

Я видел плоть её, уста,
Потёмки, чаруса...
И терпкий запах воровства
Всходил под небеса.

Я ей шептал: «Молчи! молчи,
Проклятая Сафо!»
И я рыдал над ней в ночи,
Как старенький Тифон...

И я бросал дрова колоть,
Впадал то в бред, то в сон.
И по ночам в речную плоть
Входил, как Иксион.

Качались в небе тучи лжи,
Рассвет глядел с тоской.
И я не знал, как надо жить
С тобою и с рекой.

Я нёс тебе боровики,
Я боль сгибал в дугу.
Но ты бледнела у реки,
На красном берегу.

И там, у старого моста,
Всё круче и длинней,
Бросала камни в омут,
Чтоб было побольней.

Ты знала, сердцу вопреки,
Что не горит асбест,
И то, что не было реки
На карте этих мест.

Ты знала, как коварен спирт
И путь через тайгу,
И как родимый дом горит
На красном берегу.

4

Столетия стыли в тальнике,
На них была печать.
Я плыл к рассвету по реке,
С желанием кричать.

На холмах лет лежала мгла
С обманутой луной.
Река могла и не могла
Расправиться со мной.

Я плыл рекой, как рыболов,
Пугая ночь веслом.
Но я и сам в речной улов
Попался, словно сом.

И снова окрик: «Не гляди!
Глаза твои горьки!»
И крест, сиявший на груди,
Упал на дно Реки.

Кричала милая: «Постой!»
Но крик летел вонне.
Я в темноте искал постой,
Как Лев Толстой во мне.

Я приникал к Реке душой,
Снимая боль и гнёт.
И жизнь моя была большой,
Но тонкой, словно лёд.

Вокруг качались топляки,
Репьи молились тле;
И шутовские колпаки
Гуляли по земле.

Качалась, плакала вода,
Кипела рыбой сеть.
И я взглянул тогда туда,
Куда нельзя смотреть.

Вторая часть

1

Мыши играют в соломе,
Ворон столетья клюёт.
В старом потерянном доме
Добрый Емеля живёт.
Издавна светлый и нежный,
Пьёт он плохое винцо.

Будто бы камень прибрежный,
Мхом обрастает лицо.
Выйдет на улицу пьяный,
Встанет на старенький ял.
Слушает воздух туманный,
Падает там, где стоял.
Давнему мороку внемля,
Падает в пыль и гнильё.
Пальцы царапают землю,
Ноги врастают в неё.
Тут бы тебе и могила,
В этой туманной бели...
Только какая-то сила
Вырвет его из земли.
Вытянет тело по ветру,
И, обогнув топляки,
Словно вечернюю жертву,
Бросит на берег Реки.

2

Белых порогов изгибы,
Вечный фонарик в руке...
Все его годы, как рыбы,
Плавают в этой реке.
Знаки, приметы и связи
Спутались, словно в бреду.
Встанет Емеля из грязи.
«Господи! — скажет. — Иду!»
В реку войдёт осторожно.
«Господи! — скажет. — Держись!»

Долго, с тоскою острожной,
Смотрит в прошедшую жизнь.
В темень уходит глазами,
Дышит постылой виной:
«Я не пойму и не знаю,
Что происходит со мной.
Кончился срок водопольный,
Цапля сидит на гнезде.
Что же я, словно запольный,
Кланяюсь чёрной воде?
Вместе с форелью в улове,
С оводом в тёмной молве
Лодку держу наготове,
Словно стрелу в тетиве.
Есть ещё брага в стакане,
Смыты дождями следы.
Сколько же можно в тумане
Ждать неизбежной беды?
Может быть, путает лемба,
В омут ведут упыри...»
Голос послышится с неба:
«Лучше на Реку смотри!
Жди сокровенного срока,
Душу открой на испод.
В сердце твоё от истока
Женщина в лодке плывёт!»

3

В брызгах весенней капли,
Канув в ночной глубине,

Смотрит на реку Емеля,
Будто бы залубенев.
Пахнет золой и солодкой,
Шерстью убитой Муму...
Каждое облако лодкой
Видится снова ему.
В кружеве пены и сала,
Бросив на отмель пальто,
Шепчет Емеля устало:
«Что это, Господи, что?»
Входит он в реку по пояс,
В лунные брызги и дым...
Цапля взлетает, как совесть,
Кружит и кружит над ним.
Светятся Дева и Овен,
Вечность стоит за плечом.
«Господи! Я не виновен!
Я не виновен ни в чём!
Ведомо Шиве и Сиве,
Всадникам звёздных коней:
Не было лодки на сливе,
Не было женщины в ней!
Что это? Сны или сети?
Кто награждает виной?
С кем это было на свете
Так, будто было со мной?»
Только ещё сиротливей
Станет Емеле видней
Белая лодка на сливе,
Чёрная льдина под ней.

Словно дыхание Бога,
В сердце ударит засим
Грохот речного порога,
Рёв водопада за ним.
«Путаник! — крикнет сорока. —
Было с тобой искони!»
Вздогнет камыш и осока,
Бездна расступится — и...

4

Марево будто бы морфий,
Кольца удава крепки.
Скалами Крофи и Морфи
Стиснуто русло Реки.
Смотрят жрецы и друиды,
Как у китайской скалы
Слёзы богини Исиды
Падают с русской ветлы.
Мифы завязаны в узел,
И, в окружении фей,
Грудь и лицо Аретузы
Гладит волнами Алфей.
А на холмах Эридана,
Над отречённой тоской,
Нимфу Мензолу Диана
Делает горной рекой.
Полнится мукой и стоном
Давних замесов земля,
Где гелиады Тифоном
Превращены в тополя.

И на коленях у фавна,
В брызгах небесной свечи,
Плачет княжна Ярославна,
Меч обнажая в ночи.
А над пустыней Псалтыри,
Между святылиц и рун,
Мечутся Феникс и Сирин,
Падает в воду Перун.
Плещется красная рыба,
Утка кричит в камыше...
Всё, что ушло и погисло,
Вновь оживает в душе.
Вечность не знает урона,
Видишь? Гуляя по дну,
Мёртвая дочь фараона
Кормит собачку Муму.
А за холмом, за лесами,
Дальше — кругом и везде,
Словно круги под глазами,
Тают круги на воде.
Выйдет мальчонка из ночи,
Маленький, мокрый, седой:
«Что же ты, миленький отче,
Споришь с протёкшей водой?
Злой, как еловая лапа,
Что ты закрылся плечом?
Мы теперь ангелы, папа,
Ты не виновен ни в чём!
Что ты копаешься в иле,
Раки там да караси...
Все мы кого-то топили,
Что же ты плачешь, еси?

Сядем сейчас у камина
И у святого огня
Вылепим из пластилина
Маму, тебя и меня».

5

Выйдет Емеля на берег,
Сына на руки возьмёт,
Словно ликующий Беренг,
К дому родному пойдёт.
Свечи зажжёт и лампадку,
В кухне найдёт леденец.
Сделает сыну рогатку,
Слепит людей и овец.
Будет играть до рассвета
Сын на коленях отца,
Тени бывшего навета
Тихо уйдут от крыльца.
Вздрогнут затоны осота,
Спрячется в тучи луна.
Женщина всхлипнет на фото,
Словно живая она.
Жизнь повторится сначала,
Тучи умчатся с лица.
Нет этим тайнам начала,
Нет этим тайнам конца.
Печка, свеча и полати,
Космос за правым плечом...
«Мы теперь ангелы, батя,
Ты не виновен ни в чём!»

6

Молча взирая на Бога,
Снова проснуться боясь,
Выпьет Емеля немного,
Скажет, над сыном клонясь:
«Почки набухли на сливе,
Светятся искры ветвей...
Не было лодки на сливе,
Не было Аннушки в ней!
Господи! Строго и чутко
Сплю я от веку в ночи...
Видимо, это анчутка
Голосом милой кричит...»
И не узнает Емеля,
Нечет увидев как чёт,
Что в заколдованной бели
Белая лодка плывёт.

Содержание

Александр Громов. Предисловие.....	3
------------------------------------	---

Что за горами?

Дорога	8
Ночь на заставе	9
Письмо	10
Утро	11
Проводник	12
В гостях	13
«Неважно, что ветер и осень...»	15
Писарь	16
«Я жил тогда в селе, над Соком...»	20
Улыбка	21
Что за горами?	22
Муму	23
Звонок	24
Журавль	26
Драма в себе	28
Плѣс	30
Ключи	32
«Бьёт в лицо снегопадом...»	33
Бегство	35
«В простой кособокой избушке...»	36

От Тебя это было

«Обросла столица мхами...»	38
«Поздно руки вздымать и ночами вздыхать...»	39
Пускай!	40
Господь	41
Мостик	42
Иосиф	43
Предтеча	44
Очень печальное стихотворение	45
Хорошо	46
Приговор	47
Богородка	48
Прощевай	49
Элегия	50
Тропинка	51
«Теперь все песни о любви!»	52
«Ну что ты ёжишься, душа?..»	53
«Старый дом. Нелепый случай...»	54

Квадрат тумана

Калейдоскоп	56
Корешок	57
«Какая странная пора...»	58
«Россия, Русь! В тоске величья...»	59
«Побудь со мною после слов...»	60
Ожидание	61
«Концы с концами не сведу...»	62
«И снег, и дождь.. Растерзанный причал...»	63
Дьякон	64

«Мы Русь ругаем по привычке...»	65
Квадрат тумана	66
На воле	69
Любить	70
Я воду ношу	72
Разлад	73
Очищение	74
«Положим, просёлок, дорога...»	76
«Проклинаю смешную свободу...»	77
Стрела летящая	78
Наперекор	79
Пастораль	80
«Хотя б напоследок — у гроба...»	81
Плач Ярославны	82
«Я думал, чудится и снится...»	84
Душа	86
Сальери	87
Искусство поэзии	88
Огонь	90
«Нет, не напрасно сердце билось...»	91
В поезде	92

Вишенка

Круги	94
Для малого стада	95
Осень	96
Мне прилечь бы	97
Родные	98
Русская женщина	99

Совесть.....	100
Озеро.....	101
Памяти Юрия Кузнецова.....	102
Памяти Володи Евсеичева.....	104
Я и Бродский.....	105
Бродяга.....	106
Ангел дураков.....	107
Фотография.....	108
Родина не виновата.....	110
Дуда зовущая.....	111
Зависть.....	112
Жена и ангел.....	113
Пропажа.....	114
«Хорошо, что я круглый дурак...».....	116
Смерть поэта.....	117
Владиславу Сергееву.....	118
А могло ведь случиться.....	120
Неринга.....	121
Гусь.....	122
Родиться русским... ..	123
«Опять мороз идёт по коже...».....	124
Емеля.....	126
Барыня.....	127
Шариков.....	128
Старость Печорина.....	129
Всё сбывается.....	130
Ищу тебя.....	131
Вот и ты живи.....	132
Давай... ..	133

Содержание

Перед сим.....	134
Журавли	135
Снова в деревне	136
Странная ночь	137
Вишенка.....	138
Дом и река. <i>Поэма</i>	140

Литературно-художественное издание

Михаил Всеволодович Анищенко

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Ольгу Васильевну Рыбакову,

Лидию Алексеевну Анохину

Руководитель проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Александр Громов

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 01.11.2013. Формат издания 70х100/₃₂.

Объём 6,5 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 800 экз.

Отпечатано в типографии издательства ООО «Книга»

г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 310, телефон (846) 267-36-82